
УДК 130.2

А. П. Овчинникова

СУМЕРКИ КУЛЬТУРЫ И ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

XXI век будет веком гуманитарных наук — или его не будет.
Клод Леви-Стросс

К. Леви-Стросс не был первым, кто полагал, что удаление культуры от гуманитарных наук для нее губительно, как не был он первым и среди тех, кто, думая о судьбах цивилизации, видел в культуре, прежде всего, мир смыслов, знаков, символов, значений (достаточно вспомнить Э. Кассирера с его «Философией символических форм»). Уже не один десяток лет философы и культурологи бьют тревогу, отмечая, что технический прогресс и сопутствующая ему стандартизация в качестве одного из своих отрицательных следствий имеют снижение интереса к гуманитарным областям культуры. Это, как известно, предвидел и Ф. Ницше. Другой мыслитель — О. Шпенглер, говоря о «закате Европы», связывал это с неизбежным вырождением европейской культуры в цивилизацию.

И все же внезапное вторжение коммерции и рынка в художественное пространство и в сферу научных исследований, а также в средства массовой информации, в школы и университеты интеллигенцию постсоветских государств застало врасплох. Разумеется, мы сами соавторы этой трансформации, хотим мы этого или не хотим. Страны молодого капитализма бросились догонять Запад не в сфере гуманитарных идей, а в пространстве массовой культуры, образцов сексуальных отношений, образовательных стандартов. А стандарты эти нередко оказываются примитивными, подчиненными законам рекламы, эстрадным шоу, телевизионному натиску бесчисленных сериалов — лишь бы обеспечить коммерческий успех. То же с книгоиздательской деятельностью, где все рекорды бьют детективы и так называемые «женские» романы. Гламурные журналы с адресами и телефонами проституток, стрельба и насилие на телеэкране, игровые телевизионные шоу, слепленные по образцу зару-

бежных источников, — вот самые заметные знаки современного культурного пространства.

Не лучше обстоит дело и в кинопромышленности. Обратим внимание — это уже именно промышленность, обрядившаяся в одежды искусства, а не собственно искусство. Но разве все, что хорошо для промышленности, хорошо так же и для искусства? Взять хотя бы «раскрученные» российские фильмы (блокбастеры, говоря по-голливудски): «Ночной дозор», «Дневной дозор», «Статский советник», «Девятая рота», «Адмирал» и т.д. Это кассовые, то есть рейтинговые фильмы, в них — занимательная простота в изложении сложных исторических и психологических событий, броскость, «экшн». Учителем выступает американская массовая культура, которая ориентирована на идеологию консюмеризма, именно она отвоевывает себе устойчивые позиции во всем мире. Но великий польский кинорежиссер Анджей Вайда говорил: «Вам никогда не победить американцев, потому что они снимают истории, а вы — проблемы».

Казалось бы, теперь уже снимаются и фильмы исторической тематики («Богдан Хмельницкий» и проч.), но и здесь все строится по образцам боевиков, а драматическая социальная и нравственная проблематика отступает на второй план. Но зачем, вообще, стремиться побеждать американское кино? Надо бы профессионально играть на своем поле. Известно, что в каждой культуре есть две культуры — высокая и массовая, национальная и глобально-рыночная. Ведь и на Западе рядом с коммерческим искусством существует и многое другое. В Париже около 500 театров (для сравнения, в Одессе, миллионном городе, театров всего пять). Пятая кнопка государственного телевидения Франции — это культурная продукция высокого качества. А в Украине вообще нет аналогичного телевизионного канала. Российский же канал «Культура», который ряд лет ретранслировало кабельное телевидение, был решением сверху отключен от украинского зрителя — то ли по коммерческим соображениям, то ли в целях «охраны информационного пространства» (от кого и что охраняется?).

Превращение культуры в средство массового потребления (по Х. Ортеге-и-Гасету — как следствие пресловутого «восстания масс») имеет и еще один естественный результат — торжество посредственности, которая к сохранившимся островкам высокой культуры относится агрессивно и свысока. Общество потребления — это общество успешной посредственности, которая ищет легкого понимания и гарантии успеха в практическом (читай, экономическом) применении. Выбор позиции прост: «Мы — люди маленькие, но зато успешные, а если вы (это — в адрес высоколобых интеллектуалов) такие культурные и творческие, то отчего же вы такие бедные?».

Девальвировано и само слово «творчество». Теперь каждый шоумен, каждая безголосая певица, выходящая на сцену только под фонограмму, говорят о себе как о «творцах» в «цехе культуры» («цех» — это тоже

из лексикона промышленной экономики). Как это все далеко от того, что называет творчеством А. Горальский, полагая творчеством не только создание чего-то нового, но и социально ценного, требующего от Мастера и его учеников особых качеств и умений, комплементарного диалога с прошлым, овладения эвристическими приемами [1, с. 7—10]. Не удивительно, что ученые, серьезные писатели и хорошие художники стали стесняться называть себя представителями творческих профессий.

Так и в прежние века начинались сумерки культуры: Солнце уже зашло, а звездное небо еще не открылось. При этом с каждым годом изменить что-либо становится все труднее. На одной из международных конференций, где обсуждалось состояние культуры, был найден точный диагноз: тупик прямого продолжения. Набрана такая сила инерции, что в корне изменить направление движения крайне трудно, почти невозможно. Как у тяжелой разогнавшейся машины, которая вынуждена двигаться по инерции, а попытки резких поворотов чреваты катастрофой.

Важнейшим барометром происходящего является состояние языка культуры — главным образом, естественного языка. Мог ли язык, который вообще чутко реагирует на все явления социальной жизни, не отобразить происходящее? Хотя, по Хайдеггеру, не человек говорит языком, а язык говорит человеком, все же сам язык зависим от состояния культуры. И что же можно обнаружить на постсоветском пространстве?

Совершенно естественными выглядят многочисленные знаки переходного периода постсоветских государств — от прошлого к будущему, от православных обычаев к западным устремлениям. Взять хотя бы наличие устоявшейся формы обращения граждан друг к другу, которая в быту обычно доводится до автоматизма. Современные украинцы в обращениях чаще всего путаются. Сегодня наиболее приемлемым является обращение «мужчина/женщина (молодой человек/девушка)». Вторым по популярности стало обращение «господин / госпожа», а обращение «пан/пани» — является экзотическим. Обращение «товарищ» — уже не воспринимается как приемлемая форма. Оно осталось в армии, но бытование его ограничивается рамками подъязыка, профессионального аргота, используемого в замкнутой социальной группе. Более благосклонно общество к обращению «господин», «госпожа». Не определились украинцы и с употреблением отчества. Западные веяния делают отчество излишним. Однако люди среднего или преклонного возраста воспринимают обращение без отчества как фамильярность.

Украинцы пока не знают не только того, как обращаться, но и как общаться друг с другом в простейших ситуациях. Например, когда мы приходим в бутик, навстречу нам бросается продавец, произнося фразу: «Я могу вам чем-нибудь помочь?». В языке нет закреплённой нормы ответа. Сам вопрос калькирован из английского языка, а вот ответ на него пока не найден, как и на вопрос: «Чем я могу быть вам полезен?». Конечно, ответ можно придумать на ходу, однако сама необходимость думать в этом случае означает, что стереотип пока не выработан. Сфера

обслуживания — одна из тех областей, в которых ведется выработка речевого этикета.

Но это вполне естественно для молодых государств. Гораздо хуже иное. Никогда еще не наблюдалось столь агрессивного и, я бы даже сказала, легкомысленного и веселого замещения «великого и могучего» натурального языка различными сленгами — от компьютерного до криминальной «фени». Со сцены театров и с киноэкранов России и Украины потоком льются матерные выражения. По мнению сценаристов и драматургов, эти словечки, как видно, если и не добавляют художественной выразительности, то сообщают диалогам некую «изюминку», а главное, приближают искусство к массовому зрителю и, соответственно, способствуют кассовому успеху их продукта (язык не поворачивается назвать это произведениями искусства). Но одно дело, когда Солженицын описывал монологи Ивана Денисовича, находящегося в печально известном заведении ГУЛАГА, где без фени жизнь была немыслима, и совсем другое, когда в очередном телесериале вполне благополучные и вроде бы интеллигентные герои бравировуют знанием той же фени.

Не столь безобразно, но и компьютерный сленг — все эти «емели», «клавы» и проч. — диссонирует с культурой. Зачастую и он используется не для указания, скажем, на профессиональную принадлежность героя. Таким способом обычно подчеркивают его «современность». Этот герой отказывается использовать «дремучий язык» старших поколений — вместе с их не менее, надо полагать, «дремучей» культурой. Не случайно постмодернистские философы и культурологи скептически относятся к творцам интернет-культуры. Жак Деррида, Умберто Эко подчеркивают, что не стоит с излишним пиететом относиться к компьютеру и его коммуникационным возможностям — в ущерб развитию вербальной культуры.

При этом сленги прекрасно вписываются в систему симулякров. Жан Бодрийяр [2, с. 4], поставив диагноз западной цивилизации второй половины XX в. как «обществу потребления», отмечал, что это общество сменило идеалы производства функционально полезных вещей на «симулякры» — на производство фетишей. Значением этих фетишей выступает не реальная материальная стоимость товара, а их собственно знаковая стоимость: надуманные указания на социальный статус, престиж, обозначение внешних отличий, соответствие заранее заданным образцам и т.п. Симулякры потому и позволяют рекламодателям манипулировать общественным мнением, мистифицировать и симулировать социальный прогресс, что эти знаки-фетиши образуют, подобно языку, связную систему. Благодаря этому они не только весьма активно влияют на сам натуральный язык, но и, в значительной степени, стремятся его заместить.

Современный язык постсоветских государств находится примерно в таком же положении, в каком он пребывал в 20–30-е годы XX века, когда создавался особый новояз. А в сегодняшнем языке исчезает дис-

курсивная иерархия, все говорят примерно на одном языке, в котором перемешаны сленг, прибалтийский сленг, компьютерный сленг, англицизмы, элементы старосоветского языка. Все это фигурирует и в языке нынешних политиков. Советская власть говорила на своем бюрократическом волапюке, а в какой-то момент возникла лакуна, в которую хлынул воздух, и убивший эту власть. Коммунисты проиграли не только экономически и политически, но и лингвистически. Но затем язык, принятый при социализме, скрестился с языком, давно укоренившимся в западном полушарии, а в результате получился другой уродец. В нем заметны черты и криминального языка, и бизнес-языка, который в свою очередь есть смесь «старокомсомольского» языка с «прибалтийским». Язык власти столь причудлив еще и потому, что он не опирается ни на какую идеологию. Старые конструкты, хотя и выглядят абсолютно пародийно, в современном языке все еще сохраняются. Например, «кое-кому нейдет», «определенным силам выгодно», «вопрос находится под контролем», «вопрос надо заострить и поставить во весь рост», «проблему следует углубить», «народ этого не поймет», «воля народа», «определенные круги на Западе (или на Востоке)» — все это лозунговые слова или пустые формулы. А тем временем подросло новое поколение, для которого прежний язык порой является даже желаемой экзотикой, как и вся советская жизнь. Молодые люди нередко утрачивают осторожность, прежде диктуемую идеологическими соображениями. Студенты, например, называя фамилии выдающихся ораторов, могут поставить в один ряд Цицерона, Гитлера, Сталина и кого-то из современных политиков.

Изменила свой статус и ненормативная лексика. На всем постсоветском пространстве произошла десакрализация мата. Известно, что сила русского мата заключается в его сакральности, это отличало его от мата в европейских языках, где он десакрализован. Там это давно уже не мат в русском смысле слова. Поэтому, когда при дублировании фильма «fuck you» переводят словосочетанием «черт возьми», поступают правильно — по силе значения так оно и есть. В советское время мат был табуирован, не было принято ругаться со сцены или с экрана и при женщинах, в общественных местах. Разговор на матерном языке был прерогативой сантехников, шоферов, строителей, солдат. Сейчас на этом языке разговаривают молодые люди обоих полов в школах и коридорах университетов, мужья с женами, матери со своими детьми и т.д. Мат превращается в нормальный язык. Ослаблена запретная сторона, теперь милиционер никогда не подойдет и не скажет: «Гражданин, не ругайтесь в общественном месте». Милиционер сам на таком языке разговаривает. Этот признак одичания — первый признак, который бросается в глаза в сумерках культуры.

Вообще же, парафраз библейского выражения «в начале культуры было Слово» (слово — как Логос), тысячелетиями служивший западной цивилизации, явно утрачивает свое значение. Слово заменяется визуальным рядом. Стали важны не слова, а бренды. А главное лингвистическое

ноу-хау сегодняшнего дня — почти полное исключение из риторики такого основополагающего для христианской страны понятия, как «совесть». Уровень стыдливости в обществе заметно снизился, голос совести звучит все реже. Контент-анализ многочисленных выступлений современных политиков показывает, что слово «совесть» в них почти не встречается. Бесстыдство стало не только наглядным, но и даже демонстративным. Понятие совести заменено рекламным понятием успеха. В одном из учебных пособий мне встретилась фраза: «Сталин при всех его недостатках был очень успешным лидером». Коммунисты с их лозунгом «Партия — это ум, честь и совесть эпохи» были бесстыдны, но делали вид, что совесть для них существенна, а сегодняшние лидеры уже не делают даже вида. Это — новая реальность. Еще десять лет назад не существовало выражения «успешный человек», можно было говорить об «успешных переговорах или работе». Успех (читай, индивидуальный экономический успех) не был ключевой культурной ценностью. Появилось много книг, телевизионных передач, рассказывающих, как стать успешным. Слова «амбициозный», «агрессивный» поменяли свою окраску.

На конференции «Русский язык как зеркало современной социокультурной ситуации» [3] И. Левонтина отмечала, что «происходит системный сдвиг, и это не просто заимствование того или иного слова, это изменение в видении мира». Незаметно технология успеха заменила какую бы то ни было идеологию. Мы же не осуждаем адвоката за то, что он защищает убийцу — работа у него такая. Сейчас все знают: прав не тот, кто больше грамотен, начитан, искусен, может лучше сформулировать идею, а тот, кто лучше решает сиюминутную задачу — благодаря ли деньгам, наличию ли связей или благодаря способности, минуя разум, а воздействуя только на чувства, повести за собой толпу. Но если действуют в обход разума, логика становится ненужной. Доказательства больше не нужны, логика разговора: Почему? — А потому! Можно просто объявить, а главное, погромче, что подлинные либералы (патриоты, европейцы, профессионалы — в зависимости от ситуации) не те, кто себя так называет, а именно мы. Идеологические лозунги сменились слоганами-кричалками. Исчезает грань между политическими демонстрантами и болельщиками на стадионе: «Нас багато, нас не подолати!» (Ансамбль «Грынджолы»).

Многие ищут выход из кризиса в обращении к серьезному искусству, к высокой культуре, которую «надо сделать» востребованной. Но как это сделать? Или это произойдет само по себе? Некоторые признаки самопроизвольного оживления интереса к высокой культуре и в самом деле наблюдаются. Она поднимается в цене по той же причине, по которой во время голода ценится хлеб, а не жевательная резинка. Однако не обрекает ли нас это на слепую веру в то, что «красота спасет мир» сама по себе, в силу пока неизвестных нам законов эволюции культуры? Ведь у искусства есть и обратная сторона. Оно выстраивает

иллюзорный мир, в который можно убежать, спрятаться от действительности. Трагедия, например, способна показать, как человек красив и нестигаем среди ужасов мира. Возникает иллюзия, что человек таким образом уже защищен от несчастий, скуки, социальных унижений. Не является ли искусство старым, как мир, наркотиком? Или оно призвано всего лишь уравнивать действительность и никак не избавляет от необходимости реального социального действия? На все эти вопросы само искусство не может ответить и не должно отвечать, для этого существуют социальные и гуманитарные науки.

Оправданы ли в этом контексте надежды, возлагавшиеся Леви-Строссом на гуманитарные науки? Не переоценил ли он возможности гуманитарных наук?

Общий взгляд на эволюцию современного гуманитарного знания не слишком обнадеживает. Гуманитарии в значительной мере смирились с пониманием человека как потребителя и при этом только описывают, фиксируют происходящие изменения. Как будто поставить диагноз культуре — это и есть конечная задача гуманитарных наук. Идея неудержимости технического завоевания окружающей среды (да уже и человеческой данности: генная инженерия) почти не обсуждалась с гуманитарной точки зрения. Не обсуждалась и оправданность той цены, которая назначена за комфорт. Мы теперь не прилагаем значительных физических усилий, которые были необходимы еще совсем недавно, но в какой мере необходим сам этот отказ от физических усилий? А при этом наш слух (даже не хочется говорить о количестве децибел, обрушивающихся на сотни тысячи посетителей рок-концертов), наше зрение, восприятие в целом подвергается такой агрессии, которой совсем недавно человек не знал. Естественно, это не может не сказаться на формировании современного человека. И это тогда, когда всем хорошо известно, что для осмысленной жизни необходимы тонкие чувства и развитое восприятие. Можно сказать, что цивилизация легко жертвует психикой ради физики человека. Связанное с эволюцией техники одностороннее развитие грозит человеку как виду и угрожает всей природе.

Но что же предложено гуманитарными науками в противовес всем этим тенденциям? Почти одни только дескрипции, описание происходящего, как бы летопись нашей эпохи. Но кто и когда прислушивался к летописцам с целью изменить жизнь? Много ли надежд на то, что гуманитарные науки в таком своем состоянии смогут изменить жизнь людей XXI века?

В вопросе о перспективах гуманитарного знания как бы две стороны. Во-первых, это вопрос о том, много ли теперь остается собственно гуманитарного, касающегося существа человека как *homo sapiens*, в самих гуманитарных науках? Они описывают материю своих предметов (лингвист — «материальное тело» языка, музыковед — музыки и т.д.), не ставя вопроса об их осмысленности и назначении. Так что, пребывая в сегодняшнем состоянии, гуманитарные науки вряд ли способны карди-

нально что-либо изменить. Некоторые ученые даже считают, что от гуманитарных наук — именно как от наук — остались только социология, структурная лингвистика, экспериментальная психология. Скажем, читаешь работу литературоведа о Шекспире, а там очередное социологическое исследование или попытки фрейдистского анализа комплексов Шекспира. Это, по сути, мало, чем отличается от того, как в советский период все интерпретировалось в терминах классовой борьбы, под которую подводилась якобы научная база исторического материализма. Но намного ли продуктивнее рассматривать эволюцию культуры и само ее назначение через призму лишь экономических отношений в духе кейнсианства? Язык экономики для анализа культуры ничуть не богаче и не предпочтительнее языка социологического. Если у развития культуры есть свои законы, то они формулируются иначе, чем законы социологии и политической экономии.

Во-вторых, это вопрос о том, много ли в гуманитарных науках собственно научного. Если науку, вслед за А. Эйнштейном, понимать как построение относительно простых моделей, способных объяснять действительность (и, соответственно, получать возможность строить предсказания) с помощью открытых законов, а не только описывать, фиксировать происходящее, то в этом отношении гуманитарные науки заметно уступают наукам естественнонаучного цикла. Назовет ли кто-нибудь какие-либо несомненные законы развития Культуры, на основе которых можно предсказывать, хотя бы вероятно, ее будущее? Наверное, такие законы существуют, но чтобы их открыть, нужны новые средства, возможно, заимствованные из иных областей знания.

Никто не спорит, у В. Дильтея, который хотел разъединить методологию гуманитарных и естественных наук, были для этого некоторые основания. Действительно, гуманитарное знание строится не только (и не столько) на поиске общих законов, но и на так называемом «телеологическом» объяснении, опираясь на «практический силлогизм» [4, с. 173—179], когда, чтобы понять социальное явление, требуется определить цель и адекватные ей средства деятельности человека. Но тогда главной и основной гуманитарной дисциплиной становится та, предметом которой являются цели культуры, ее ценности, а это — аксиология. И в прежние эпохи культура держалась на идее о том, что человеку необходимо что-то любить больше, чем собственное существование, чему-то служить, иначе он начинает сходить с ума от бессмысленности жизни. И таким образом, нет сегодня задачи важнее для интеллигенции, чем поиск новых ценностей культуры. Иначе нынешние сумерки могут никогда не закончиться, а кантовское «звездное небо над головой» никогда не открыться.

Л и т е р а т у р а

1. Горальський А. Правила тренінгу творчості : метод. посіб. / А. Горальський. — Л., 1998.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. — М., 1995.
3. Левонтина И. Русский язык и картина мира / И. Левонтина // Культура. — 2009. — № 10.
4. Никифоров А. Л. Философия науки: история и теория / А. Л. Никифоров. — М., 2006.

А н о т а ц і я

Овчинникова А. П. Сутінки культури і гуманітарне знання. — Стаття.

У статті запропоновано аналіз сучасного стану культури та систем гуманітарних наук. Зроблено висновок, що сучасне гуманітарне знання повинно орієнтуватися на ту сферу, яка визначає цінності, цілі його буття — аксіологію. Суспільство споживання змінило ідеали виробництва корисних речей на симулякри, які маніпулюють суспільною свідомістю. В контексті кризи культури це означає нову мега-задачу для інтелігенції: пошук нових цінностей культури.

Ключові слова: культура, гуманітарні науки, природничі науки, постмодерн, аксіологія, симулякр.

S u m m a r y

Ovchinnikova A. P. Twilights of Culture and Humanitarian Knowledge. — Article.

The analysis of the modern state of Culture and systems of humanities is offered in the article. A conclusion is done, that modern humanitarian knowledge must be oriented on a that sphere, which determines values, aims of his life — axiology. Society of consumption changed the idea of the useful things production and choose symuliakrs which manipulate consciouess of society. In the context of crisis of Culture it means a new mega-task for intellect: search of new values of Culture.

Keywords: culture, humanities, science, postmodern, axiology, symuliakr.